

«Жизнь даётся человеку только раз, и надо прожить её в Бостоне» – любил говорить Антон, когда ему было хорошо. А хорошо ему было теперь всегда, с тех пор как он окончательно перебрался жить в компьютер.

Если бы ещё в компьютере иногда давали пиццу или, на худой конец, гамбургер с кофе, и можно было выполнять супружеские обязанности, которые настигали его порой врасплох и были похожи на партизанские вылазки в стан врага, – он бы считал, что жизнь в целом удалась. И тогда с интересом смотрел бы в будущее, где Майкрософт скоро выпустит новую программу “Superlife”, которая в чем-то даже лучше жизни, так как этой программой можно, по крайней мере, управлять.

А самое главное, с помощью этой программы он сумеет управлять своей женой Юлькой... которая будет думать, что она думает, а на самом деле, Юлька просто не способна думать, такой уж ей достался процессор. Зато Юлька хороший друг, товарищ и брат, в смысле, сестра... и даже жена.

У неё вообще лучший в Бостоне борщ. А как она капусту квасит... с чабрецом! Он, Антон, может, ради этой капусты на ней тогда в Москве и женился. Просто в Бостоне капуста не такая – говорят, с геном не то каракатицы не то медузы... Или это в картошке такой ген... Потому что в салате ген крысы.

Тут у них, в Америке, в каждом фрукте или овоще какая-нибудь «гена»... Что-то типа вируса в компьютере. Но с вирусом в компе хотя бы можно бороться, а как поборешься с геном каракатицы в капусте или с геном медузы в помидорах. Особенно во сне, когда холодные щупальца тянутся к твоим... а потом это оказываются руки Юльки... И никаких помидоров нет... А есть ночь, и завтра Юлька из этих помидоров приготовит борщ, на пробу которого народ уже записывается на месяцы вперёд.

Недавно, даже один индус записался. Натуральный такой индус в чалме, что называется, на босу... голову. Он думал, что Юлька семинары по борщу проводит. Сказал, что ему другой индус сказал, что борщ сильно продлевает жизнь. А ему надо во что бы то ни стало продлить жизнь, чтобы увидеть, кем станет в своей другой жизни совсем плохой индус, который увёл его девушку Зиту. На что Юлька сказала, что борщ не только жизнь продлевает...

А капусту она теперь покупает у китайцев. Говорят, они её прямо из Китая доставляют. На своих летающих тарелках. В смысле, самолётах... Словно специально для Юлькиного борща, благодаря которому скоро все будут жить вечно, только станут зелёными человечками, чтобы меньше места в капусте занимать и совсем перестанут размножаться... Да и зачем?.. Но всё это не имеет никакого значения, а имеет значение, как сказала этому индусу Юлька – кто кого имеет...

Всё это я вытащил из его файла в промежутках между раскуриванием сигареты и глотками пива, к которому Антон относился, как к ритуальному напитку игры. И рано или поздно наступал момент, когда пиво стирало зыбкую грань между жизнью в компьютере и жизнью вне, или, как говорили продвинутые юзеры – расширяло сознание. И тогда в это расширенное сознание мог проникнуть гость из других миров, которого Антон воспринимал, как неизбежность – как плату за...

Он так и не придумал этому своему состоянию слова. А может, оно ещё и не существовало, это слово. Он даже начинал бояться, что стоит этому слову появиться – и всё исчезнет, как «с белых яблонь дым». Как исчезло когда-то далеко в детстве, когда они с мамой и бабушкой жили в Крыму, и мама тоже любила говорить, что «жизнь даётся человеку только раз и надо прожить её в Крыму». А потом так говорила его жена Юлька, но уже в Москве, где они вместе учились в энергетическом институте.

Но Москва его предала, а точнее продала. Спасибо всё той же Юльке, которая, конечно, хотела как лучше, а получилось, как всегда. Это она тогда нашла организацию с загадочным названием “Global Corporation”, которая по всему миру собирала лучшие мозги и продавала их в нужные места.

Ему ещё крупно повезло, что его мозг оказался в Бостоне. А ведь мог с таким же успехом оказаться в ... Работать на террористов... Или на международный наркокартель, щупальца которого (опять эти щупальца) дотянулись уже до... чтобы с помощью наркотиков превратить народ (а в перспективе и все

народы) в стадо, которым легче управлять и которому будет по барабану, что есть и что пить, и какая каракатица будет им, народом, управлять из своего помидора или из своей капусты.

Но у каждого собственная карма. А карма случайностей не признает. В сущности, карма – это что-то вроде программы наперёд. А так как эта программа связана с другими программами, то лучше в ней ничего не менять. Ибо нам не дано предугадать, чем «наша глупость отзовется». И рано или поздно любая мысль упирается в буддизм. Поэтому все компьютерщики тайные буддисты. Для них не важна цель, а важен путь, который ведёт в пустоту Му. Но настоящий самурай не должен бояться пустоты, в которой обитают духи. Так как «духи» это всего лишь не рожденные самураем мысли, которые ещё не успели стать словами... А словами они становятся потом, когда цифры начнут заменять буквы.

У него уже давно совсем другая жизнь и он другой, потому что так надо, чтобы соблюдать правила игры, которые лучше соблюдать... чтобы не было еще хуже.

Так когда-то говорила его бабушка, которая каким-то образом тоже была причастна к этой игре. Что подтверждал выцветший чернильный номер на её левом предплечье, который он увидел случайно и всего раз, но запомнил навсегда, цепкой памятью одиннадцатилетнего ребенка, который родился стариком (как и все козероги) и всю оставшуюся жизнь старел (в смысле, молодец) задом наперёд. И сейчас ему было по всем признакам все тех же лет одиннадцать, и тот выцветший номер всё больше и больше не давал ему покоя. Словно подсмотрел какую-то тайну, которую бабушка унесла с собой, но сделала так, чтобы он запомнил...

И он помнил: № 271276... И даже пытался расследовать, что мог значить этот номер... на наружной стороне левого предплечья ближе к локтю.

Первой, у кого он спросил, была историчка, Софья Львовна, что рассказывала о древней истории, – о походах Александра Македонского, о мужестве спартанцев, о Великом Царе Царей Митридате Шестом Евпаторе, который воевал с Римской Империей целых 45 лет, о последних часах Митридата, который приказал своему телохранителю Битойту убить его мечом, чтобы не дать это сделать своему сыну – Фарнаку, который поднял против отца родного восстание и вот-вот с минуты на минуту должен ворваться в этот последний оплот цитадели ... Уже приняли яд любимые дочери Митридатис и Нисса, а его, Митри-

дата, яд не брал, так как он всю жизнь принимал противоядие, куда входило много ядов...

Но Фарнак и после смерти отца продолжил войну с Римом, и тогда войска возглавил сам великий Гай Юлий Цезарь, который в районе теперешней Грузии разбил войска Фарнака и послал в Рим гонца со ставшей с тех пор знаменитой фразой «пришёл, увидел... победил...»

А потом они с Софьей Львовной на горе Митридат собирали древние черепки, каждому из них было... подумать только!.. две и более тысячи лет!.. На некоторых еще сохранились следы истории, что совсем рядом... можно сказать, под ногами, но люди ходят по этим черепкам и не задумываются, потому что не знают... А те, кто знает, почему-то думают о другом...

Он еще хотел спросить о Гае Юлии Цезаре, который убил сына царя Митридата, а его в свою очередь убьёт его тайный сын Брут...

Но урок уже закончен. Он видел, как дети незаметно выбрасывают черепки... которые будут находить другие дети и так же с замиранием сердца искать на них остатки чёрного или красного лака.

И тогда, чтобы отвлечь Софью Львовну от этого печального зрелища, он и спросил её о цифрах на руке бабушки.

– Дети, попрошу вернуть черепки на место, – сказала Софья Львовна, словно ничего не слышала. – Завтра у меня здесь урок...

И только несколько шагов спустя, уже совсем другим голосом:

– А ты у мамы спрашивал?

– Спрашивал...

– И что она сказала?..

– Сказала, что бабушка не любила на эту тему говорить.

– Да, есть вещи... которые лучше не спрашивать.

Он потом и ещё у одного человека спрашивал, уже в институте – у седовласого доцента с такими же бездонными, словно выцветшими от времени, как у бабушки, глазами. Но этот человек сказал, что есть вещи, которые лучше не знать.

Однажды ему попалась книга Джерри Бауэра, где говорилось, что «ваша жизнь складывается так, как складываются Ваши числа». И он какое-то время и в самом деле играл в числа.

Все это было интересно, но несерьезно. И только в одном случае его просто пронзил озноб – когда вместо цифр бабушкиного номера начал подставлять буквы (из специальной таблицы

в книге). И получилось слово Бостон... в котором он сейчас и жил. Но как об этом могла знать бабушка... или те, кто накалывал ей эти цифры много лет назад – продолжало для него оставаться непостижимой тайной теперь уже навсегда.

Иногда он даже начинал думать, что, может, тогда и в компьютерщики пошёл, чтобы найти этот номер... и забыть. Потому что жить со всем этим дальше невозможно. Но его бабушка жила... И не просто жила, а своей жизнью помогала жить другим... Так как уже тогда знала то, о чём он сумел догадаться лишь много лет спустя – жизнь человеку дается не раз и не два, а столько, сколько он, человек, этой жизни заслуживает...

А номер 271276 это что-то вроде кода доступа, который он может набрать теперь, даже не выходя из своего компьютера...

И сразу увидел бабушку... Она, как всегда, перебирала гречку... Значит, сейчас зима, и в печке весело трещат дрова. А как стемнеет, к бабушке придёт соседский дед Трохим, чтобы рассказывать о конце света, который уже не за горами, совсем недолго осталось ждать... Поэтому и бояться нечего... Хотя могут ещё кого-то и забрать... Из восьмого номера вон Кольку Пророчка забрали...

Но страха в этих словах не было, так как конец света был важнее. Он был, как высшая справедливость, которой не смогла помешать даже война. Люди в хрустящих сапогах тоже думали, что будут жить дольше хруста своих сапог, а на рассвете за ними прилетали птицы...

Просто Конец Света наступал не для всех одновременно. И в этом была великая тайна жизни, что открывалась не каждому и не сразу, на каком-то пределе примиря с другой не менее великой тайной – смерти, которая казалась ближе.

...И тогда дед Трохим непослушными и пожелтевшими от махры пальцами начинал сворачивать из куска газеты «Правда» душистую «козью ногу», пытаясь сквозь дым рассмотреть будущее. Но сильно мешал кашель, отчего у него выступали слёзы. И сквозь кристальную чистоту слезы он успевал увидеть бабушку... которая как раз только приехала из Орловской области в затерянный в степях городок Бобринец, чтобы найти там свою судьбу... или потерять.

И даже сейчас, по прошествии стольких лет, и не вооружённому слезой взгляду было ясно, какая бабушка была красивая, словно её и в самом деле послали (ясное дело, кто) этой невысказанной красотой спасти мир, который уже начинал катиться в

тартарары. И бабушке ничего не оставалось, как спасти одного человека – его деда Никифора, а тот спасал уже потом бабушку.

Сначала от «белых», потом от «красных», потом от «зелёных», потом от банды Григорьева, потом от банды... да разве всех упомнишь. А потом и сам ушёл к батьке Махно, чтобы громить ненавистных врагов...

Об одном только дед Никифор жалел всю свою оставшуюся жизнь – почему с батькой Махно не ушёл через Дунай в Румынию. Но это был бы уже совсем другой файл. А значит, тогда его дедом вполне мог бы стать дед Трохим... и его маму звали бы не Валентина, а Любовь... И тогда он, Антон, был бы уже не он... А это значит, что и женой его была бы не Юлька, а какая-нибудь...

Шарон... по фамилии Стоун... или 12736, если на цифры перевести.

А черепок с горы Митридат у него и сейчас с собой. Иногда Юлька тоже берёт его в руки, чтобы увидеть море. Но видит только пустоту Му, в которой живут числа 3 9 2 5 или её любимый Крым, если на буквы перевести.